

В. О. Ключевский

Сочинения в девяти томах

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К52

Ключевский В.О.
К52 Сочинения в девяти томах: Том 7 / В. О. Ключевский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 511 с.

ISBN 978-5-458-42617-6

При рассмотрении русской истории В. О. Ключевский безусловно является одним из крупнейших ученых и писателей России. В изучении истории России Ключевский на первый план всегда ставил политические и экономические события. Однако, изучая историю России по Ключевскому, следует соблюдать определённую долю осторожности и сверяться с другими исследованиями. Отсутствует 6 том. Том 7 В седьмом томе печатается курс "Источники русской истории", источниковедческие семинары по "Русской Правде" и "Псковской Правде" Ключевского. В книгу входят очерки В. О. Ключевского о крупных историках России: В. Н. Татищеве, И. Н. Болтине, Н. М. Карамзине, М. П. Погодине, Т. Н. Грановском, С. М. Соловьеве, К. Н. Бестужеве-Рюмине и других.

ISBN 978-5-458-42617-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЛЕКЦИЯ

I

(фрагмент)¹

Осень 1888 г.

ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ И СТЕПЕНЬ ИХ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ.
ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ.
ЗАВИСИМОСТЬ ЗАДАЧ И ПРИЕМОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ
ОТ СВОЙСТВ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ И СОСТОЯНИЕ ИХ РАЗРАБОТКИ.
ОСОБЫЕ ЗАДАЧИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ.
ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Древнерусское *бытописание* как основной источник русской истории. Его отличие от позднейшей *историографии*. Его главные отделы или виды: 1) летописание, 2) хронография, 3) агиография и 4) повествование. Сравнительное значение каждого отдела для изучения русской истории.

ИСТОЧНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ. Задача исторической критики—обработка исторических источников. Первый вопрос, являющийся при обзоре источников русской истории,—вопрос об их состоянии, т. е. о степени их научной обработки; затем следуют вопросы, касающиеся их качества: обильны ли они или скудны, дают много или мало пищи историческому размышлению; на это отвечают неохотно и неуверенно. Недостаток знакомства с источниками—главная причина ее недостаточного научного интереса. То, что рассказывается по источникам разработанным, представляет мало любопытного для ума и воображения, скользит по поверхности жизни, не отвечает на серьезные вопросы о ее ходе и смысле, а где искать ответов на такие вопросы и можно ли где их найти—не знают. Тесная сфера исторического сознания. Тот народ знает свою историю, где ход и смысл родного прошедшего есть достояние общего народного сознания и где это сознание прошлого есть привычный акт мышления. Мало, чтобы отечествен-

ную историю излагали в книгах, преподавали в школах и с кафедр; надобно, чтобы ее выводы и предания передавались одним поколением другому вместе с детскими сказками и житейскими уроками матери и няни. Наша история еще покоится на архивных полках и едва начинает двигаться оттуда и только к рабочему столу ученого: как ей далеко еще идти до детской аудитории няни!

Это понятно: давно ли мы изучаем свою историю? Сто лет с чем-нибудь — не больше. Ведь могут найтись долговечные русские люди, которым больше лет, т. е. которые старше своей русской истории, точнее — историографии. Чуть не до половины прошедшего века мы не изучали *своей истории, а просто запоминали свое прошедшее*. Помнить прошедшее и знать историю — не одно и то же. Помнить прошедшее — значит знать, что было, и по бывшему гадать, не повторится ли и впредь нечто подобное. Знать свою историю — значит понимать, почему так было и к чему неизбежно приведет бывшее. Вот почему знаток прошедшего не всегда историк. Для первого события минувшего — случайности, грядущие явления — неожиданности, иногда лишь напоминающие собою нечто бывавшее прежде; для второго все минувшее — только слагаемые той суммы, которую мы называем настоящим, а будущее — только ряд неизбежных следствий настоящего. Первый не идет дальше чтения и запоминания строк древних хартий и документов; второй силится читать и между строками, стараясь угадать, о чем они смолчали.

Эти ученые усилия начались у нас около половины XVIII в., и начались частью по почину чужих, сторонних людей, немцем и русским академиком Байером (ум. в 1738 г.) в сочинении на латинском языке о варягах и призвании русских князей и немцем же, русским историографом Миллером, развившим в своей академической речи о происхождении «народа и имени руссов» мысли своего предшественника и соотчича (1749 г. 6 сент.). С тех пор стал на очередь и доселе не сходит с нее знаменитый и шумный вопрос о происхождении русского народа и государства. Три-четыре поколения — слишком короткий век для науки, даже для одной лишь ветви ее, какова история России по отношению к истории всеобщей. Вот почему мы не имеем основания ни унывать, ни смеяться, как бы ни был скуден запас наших познаний в области нашей истории и как бы ни были элементарны и наивны эти познания. Всеу свое время. Не только основные факты нашего прошедшего не уяснены достаточно историческим исследованием и мышлением — самые источники

нашей истории не разработаны научной критикой и даже далеко не все приведены в известность, не попали в каталог. Во многих важных вопросах нашей истории историк вынужден еще терпеливо сидеть сложа руки в ожидании, когда покончит свою пыльную инвентарную работу архивариус.

Разборка и критическая разработка источников — работа, стоящая на ближайшей очереди в изучении нашей истории. Наша историография еще надолго должна оставаться преимущественно исторической критикой. Вы знаете, что такое *историческая критика*. Это предварительная очистка исторического источника от портящих его примесей с целью сделать его годным к научному употреблению. Эта порча бывает двоякая и объясняется самым свойством исторического источника как научного материала.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА.

Исторические источники — это или письменные, или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ. Вещественными памятниками называются самые предметы, бывшие в употреблении людей, служившие их потребностям и, следовательно, наглядно представлявшие их быт, обстановку, вкусы, стремления и страдания. Этими памятниками ведаёт археология, у которой *своя критика* с особыми приемами. Историческая критика в принятом смысле ведаёт собственно словесными памятниками письменности, в которых рассказываются события или изображаются отношения минувших времен. Они передают житейское явление (событие, мысль, чувство) словом, а не наглядным знаком или художественным образом. Неверное отражение действительности в таком памятнике происходит от двух причин: или испорчен текст его, и потому неверно передает[ся] мысль его автора, или самая мысль автора намеренно или ненамеренно неверно передает действительность. Критика, направленная к восстановлению подлинного текста памятника, называется *филологической*. Критика, имеющая целью определить угол преломления действительности, степень уклона авторской мысли от действительности, может быть названа *фактической*. Таким образом, историческая критика — это или *критика текстов*, передающих исторические факты, или *критика фактов*, воспроизводимых текстами.

Везде ли историческая критика как вспомогательная наука должна быть одна и та же, применять ко всякому

материалу однообразные приемы и ставить себе одинаковые задачи, или может быть особая, местная историческая критика, например французская, русская, подобно тому как есть особая, местная история Франции, России и т. д.? Вы, может быть, удивитесь, если я отвечу на этот вопрос в последнем смысле и буду настаивать на необходимости местных особенностей исторической критики. Эта необходимость вытекает из тесной связи задач и приемов исторической критики со свойством исторических источников, а эти источники не везде однородны.

На Западе историческая критика продолжительными усилиями выяснила и поставила себе точно определенные задачи и выработала до педантизма твердые приемы. Но заметьте, такой определенности и выработки она достигла, работая со времени возрождения наук и искусств над источниками истории античного мира, а эти источники — довольно своеобразный исторический материал. Все это почти исключительно памятники литературные, если изъять из них эпиграфику, значение которой как исторического источника оценено сравнительно позднее. Притом и из литературных произведений древнего мира уцелели только лучшие: посредственное большей частью погибло вследствие слабого распространения в письменности. В этих произведениях встречаем либо философские размышления или деятельность поэтической фантазии античного человека, либо изображение политических движений и столкновений античных обществ. На всех них лежит резкая печать личной мысли, индивидуального творчества: все это — писатели, а не исторические документы. По ним превосходно изучены высшие процессы, наиболее напряженные проявления жизни классического мира. Менее ясно отразился в них политический строй древних обществ, а на будничную жизнь — частный быт и хозяйственные отношения древнего мира — в них сохранились лишь отрывочные указания и намеки. Сравнение с лесом, освещаемым первыми лучами восходящего солнца. Эти литературные памятники античного мира задали много работы исторической критике и своим текстом, и своим отношением к действительности; зато они же дали ей строгую выработку и точные правила. Во-первых, нужно было восстановить и истолковать текст древнего автора, испорченный временем и средневековым невежеством и по своему строю столь непохожий на речь новых народов. Далее, в изображении событий, отношений и лиц у древнего оратора или историка надобно было выделить все, что привнесено в него языческим суеверием древнего

человека, предрассудками и страст[ями], духом партии, к которой принадлежал автор как гражданин, наконец, личным углом зрения писателя как мыслителя. Катон Младший и Цицерон у Моммзена. Наконец, собрать рассеянные у авторов черты будничного домашнего быта грека и римлянина и экономического положения античного общества, установить внутреннюю связь и хронологическую последовательность этих отрывочных разновременных указаний и составить из них цельную картину с правильной исторической перспективой. Таким образом, *рестаурация и интерпретация древнего текста и определение точки зрения автора, его житейских отношений и литературных тенденций, восстановление действительного факта и, наконец, выделение и подбор черт античного быта*— вот три задачи, в разрешении которых историческая критика приобрела такой мастерский навык, работа над произведениями классической литературы.

Эти три задачи с соответствующими им приемами имеют общеобязательное значение в обработке всякого исторического материала; но они должны видоизменяться сообразно с особенностями последнего. Я заметил, что письменные памятники древнего мира, на которых историческая критика вырабатывала свои приемы, все запечатлены индивидуальностью, суть произведения личного творчества. Теперь перейдите к источникам русской истории. Почти до конца XVII в. господствующее, даже подавляющее значение между ними имеют два рода памятников— это *летописи и акты*. Летописи—памятники, несомненно, литературные, но большей частью это писания без писателей; в большинстве случаев мы не знаем, кто и когда их составлял, с какой целью и при каких обстоятельствах. У некоторых проскальзывают в рассказе местные и личные сочувствия и отвращения. Летописец любит вдруг прервать нить рассказа и в эпически задумчивом отступлении бросить взгляд на ход и значение мировых явлений. Но этот взгляд лишен индивидуального отпечатка, потому что совершенно одинаков у всех летописцев— у новгородского XIII в., как и у московского XV в. Акты—не литературные произведения. Итак, основные источники древнерусской истории— *безличные* произведения письменности. Вот первая их особенность, благодаря которой ряд критических приемов, необходимых при изучении памятников личного творчества—литературного, должен получить несколько своеобразное применение. <...>

1891 г.

ЛЕКЦИЯ

II

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ.
ТРУДНОСТЬ ПРОЧТЕНИЯ. ТРУДНОСТЬ ЛЕКСИКИ. ИЗУЧЕНИЕ ЛЕТОПИСЕЙ.
ТРУДНОСТЬ ИХ ПОНИМАНИЯ. ЗАДАЧИ КРИТИКИ ЛЕТОПИСЕЙ

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ. Я укажу те специальные приемы исторической критики, которые вызываются особенностями наших исторических источников. Эти особенности заключаются прежде всего в тексте наших древних памятников, который задает не меньше работы исследователю, чем текст античных памятников; только текстуальные трудности наших памятников происходят от других причин, не тех, какие затрудняют понимание античных текстов. Понимание последних затрудняется: 1) мудрованиями старинных, особенно средневековых, читателей, которые позволяли себе исправлять древний текст, где его плохо понимали, сокращали или дополняли, где находили это нужным; 2) литературной своеобразностью античных писателей, из коих у каждого свой стиль, своя литературная манера, у иных очень изысканная.

ТРУДНОСТЬ ПРОЧТЕНИЯ. Совсем другие причины затрудняют понимание наших древних текстов. Это: 1) неумение их прочесть, и это неумение одинаково свойственно как нашим древним книгописцам, так и новейшим ученым, которые принимались за издание памятников, и последние грешат этим едва ли меньше первых. Ни наши древние книжники, ни новейшие издатели не заботились достаточно о правильном чтении рукописей, отсюда частые искажения в позднейших списках и изданиях. Приведу один пример. В южнорусской летописи по Ипатьевскому списку, как он издан Археографической комиссией, под годом 6636 (1128) читаем известие: «Посла князь Мстислав с братьею своею многы кривичи четырьми путеми». Читая дальше, приходим в недоумение. Братья Мстислава пошли из Турова, Владимира Вольнского, Городна—какие там кривичи? Это страна вольнян и дреговичей. Еще страннее то, что целью похода были города Изяславль, Борисов, Дрютск, Логожск—все города Полоцкого княжества, т. е. кривского племени². Из некривских городов посланы были

«многы кривичи» на кривичей же. Нетрудно догадаться, что неверно прочитаны были слишком слитно написанные слова: «Посла братью с вои многы на кривичи» и «посла с братьею своею вои многы на кривичи».

Другой пример: один князь в XII в. во время похода на половцев «зая грады их подънови», как читаем в печатном издании летописи.

ТРУДНОСТЬ ЛЕКСИКИ. Другая причина трудности понимания древних наших памятников заключается не в грамматике или стилистике, т. е. не в литературных особенностях писателей, а в лексиконе, т. е. в нашем отношении к древней русской лексике. Наш современный литературный язык составилась довольно искусственно, его элементы подбирались и комбинировались довольно случайно и капризно. Писатели или литературные школы, устанавливавшие этот язык, находились под влиянием двух языков: книжного церковнославянского и разговорного русского; вообще держались грамматики последнего, заимствовали очень много из лексикона первого, но зато много утратили из лексического запаса народной речи. В этом отношении наш литературный язык вышел значительно обдерганным. Освоившись со многими терминами южнославянского болгарского языка, наша книжная речь забыла значение соответствующих слов чисто русского происхождения. Лексика, заимствованная из книжного церковного языка, которым писала Древняя Русь, вытеснила из оборота огромный запас туземного русского языка, и этот запас не был принят в состав литературной речи.

Другим условием, усиливавшим это затруднение, было быстрое изменение значения слов нашего книжного языка. Я не умею сказать вам, почему, но при самом легком наблюдении над развитием русского языка можно заметить: во-первых, утрату обильного лексического запаса народной речи; во-вторых, необыкновенную быстроту, с какой в книжном употреблении у нас менялись значения слов, переходивших от одного смысла к другому, синонимическому. Это явление, замечаемое в развитии нашего языка, можно назвать *игрою синонимики*.

Я не знаю, есть ли это особенность нашего языка, но эта черта характеризует его на пространстве нескольких веков. Может быть, эта игра синонимики происходит оттого в нашем литературном языке, что в последние века мы испытали несколько быстрых приливов массы чуждых понятий, заносных идей, для которых не находили тузем-

ных, доморощенных форм выражения, благодаря чему с умыслом слишком злоупотребляли словами, задерживая их смысл. Как бы то ни было, по той или другой причине происходит плохое понимание языка древнерусских источников. В нашей историографии вы встретите множество забавных, а иногда и не лишенных грусти недоразумений и ошибок, происходящих от этого недостатка.

Напомню несколько примеров. Так, в первой статье Русской Правды толкователи совсем не понимали, зачем рядом стоят два однозначных, как думали, выражения: «брату чадо» и «братню сынови». Оказывается, что «брату чадо» не сын брата, а греческие слова «двоюродные братья» — дети родных братьев (дети двух братьев)³.

Далее, сколько затруднений производила для толкования одна статья Псковской Правды, где употреблен термин «пословица»⁴. Пословица — поговорка — ее теперешнее значение⁵. Но при таком толковании терялся смысл статьи, которую никому не удавалось объяснить. Если принять другое значение этого слова: условие, согласие, договор, сделка, то смысл статьи становится ясным. Новгородская летопись под 1367 (6875) г. говорит: «Не беша пословици псковичем с новгородци», т. е. не было ладу у псковичей с новгородцами⁶.

Другая статья Псковской Правды говорит об арендаторе рыбного участка, который «заложил весну»⁷. Один исследователь после многих усилий так объяснил наконец это слово: арендатор заложил своему хозяину свою часть весеннего урожая. Потрудитесь в русском сельском хозяйстве отыскать весенний урожай, который и в XV в., несомненно, не существовал. Вот до чего мог договориться плохо знакомый с языком самый усердный толкователь! Между тем каждый крестьянин знает, что значит запереложить весенний улов, т. е. не эксплуатировать, бросить его. Итак, «заложить» тогда имело не то значение, что теперь.

В 1281 г., рассказывает Волынская летопись, мазовецкий князь Кондрат, воюя со своим родным братом Болеславом, выпросил у брата Владимира его рать на подержание, т. е. на прокат, и повел ее на Болеслава, на любимый его город Гостинец. Летопись рассказывает, что в разных местах полки осадили город, «сташа около города, яки борове велицей»⁸. Один историк, недолго думая, решился написать: «Стали около города, как свиньи». «Борове» — это темный еловый лес, и смысл данного места не только понятен, но и поэтичен. Грозные полки с длинными копьями, как леса темные.

Владимир Мономах в своем поучении к детям сообщает любопытную историческую черту, не нашедшую себе места в современной летописи. Мономах говорит: «А в Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходих первую зиму»⁹. Легко различить здесь цели похода. Две зимы подряд Мономах ходит на Ходоту. Ходота — какой-то старшина вятичей, любопытное лицо, свидетельствующее о том, что в первой половине XII в. у вятичей существовал какой-то свой старшина, независимый от киевского князя. Легко заметить, что в первую зиму Мономах предпринимает другой поход к Корьдну, т. е. к известному поселению Корден, или Корьднь, город у вятичей. Другой историк передает в своем пересказе это место так: Мономах две зимы ходил на туземных князей вятичей — на Кордна и на Ходоту¹⁰. Так город превратился в князя, и Корьднь оказывается целью уже двух походов, а не одного.

Приведем третий пример, свидетельствующий о нашем равнодушии к древней грамматике. Знаменитая Волынская летопись, как известно, начинается с 1201 г. повествованием о волынском князе Романе, который здесь описывается в поэтически преувеличенных героических чертах. Между прочим, летопись замечает, что, как только стала известна смерть Романа в половецких степях, один хан, которому много досталось от Романа, тотчас послал с известием в Обезы своего гудца, т. е. песенника или музыканта¹¹. В подлиннике читаем дательный самостоятельный [падеж], и, как назло, все называют этого гудца Орев, а его имя Ор или, скорее, Орь.

Итак, наша филологическая критика, изучающая исторические источники, должна быть обращена к разрешению двух главных задач: 1) к *правильному чтению древних рукописей* и 2) к *изучению языка древних памятников*, т. е. древней терминологии.

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕТОПИСЕЙ.

Изучение исторического материала, содержащегося в древних памятниках, также требует особых приемов. Припомним, в каком периоде представляется античная жизнь у классических писателей, собственно у историографов. Там она изображается в движении; но так как до нас не дошло письменных памятников ежедневного быта, то чрезвычайно трудно представить себе античную жизнь известной эпохи статически, в вертикальном разрезе. Между тем полное понимание жизни известного народа в известное время требует ее изучения и в движении, и как

она представляется в разрезе. Если хотите изучать движение Древней Руси, вы должны обратиться к летописям. Но летописи в большинстве [случаев] памятники не личного, а коллективного творчества; ведь это свод местных записей прошедшего, переданный через несколько рук, они очень слабо отражают в себе движение жизни. У летописцев есть, как известно, свой определенный взгляд на события, который драматизирует рассказ. Но этот взгляд также не личный, а один и тот же у всех летописцев, так что при разборе летописей нет места для применения одного приема высшей исторической критики — определения угла зрения писателя. Есть один летописный угол зрения, который определить легко, но нет угла зрения киевского, суздальского, волынского или летописца XII, XIII или XIV вв. Проявления личного взгляда летописца на лица и события чрезвычайно редки, и в коротком обзоре летописей их легко пересчитать.

ТРУДНОСТЬ ИХ ПОНИМАНИЯ. Понимание собственно летописного рассказа затрудняется разнообразными условиями. Прежде всего способом сводки местных летописей, которые сводились в общую летопись чрезвычайно неодинаково. Сводчик из всех летописей, которые лежали перед ним, брал за основание одну и сначала выписывал из нее целиком, а потом брал из другой, прибавляя, что находил удобным; легко заметить в них хронологическую перебивку. В иных летописных сводах не всегда события отмечены точной датой, сводчик не стеснялся с непоследовательностью хронологических дат: августовские события рассказывались прежде июньских, потому что в таком порядке они попадали на его глаза при своде. В такой перебивке не могли уцелеть указания летописи на свойство и происхождение событий.

Еще одно техническое затруднение усиливает эту путаницу: в порядке изложения событий наши древние летописцы держались неодинакового летосчисления. В первые века [летописцы] предпочитали употребление мартовского года, но некоторые стали избирать год сентябрьский. Чем дальше, тем более стали склоняться к употреблению года сентябрьского. Начальная летопись по Ипатьевскому списку аккуратно считает год мартовским; в XIII—XIV вв. встречаются одновременно различные летосчисления, иной считает год с сентября, иной продолжает считать с марта. Теперь представьте себе положение сводчика в конце XIV в.; он сводит летописи разных